

Леонид Андреев

СКАЗОЧКИ
НЕ СОВСЕМ ДЛЯ ДЕТЕЙ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.

А65 Сказочки не совсем для детей / Л. Андреев. — М. :
T8RUGRAM, 2018. — 544 с.

ISBN 978-5-521-77854-6

В сборник «Сказочки не совсем для детей» включены удивительные повести и рассказы писателя, а также «сказочки», которые ярко иллюстрируют стремление автора перевернуть с ног на голову стереотипы и шаблоны, разрушить «мещанское» косное сознание и позволить читателю посмотреть на мир иными глазами.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC004000

ISBN 978-5-521-77854-6

© T8RUGRAM, оформление, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Иван Иванович	5
Проклятие зверя	19
Рассказ о семи повешенных	65
Мои записки	163
Сын человеческий	269
Неосторожность	309
День гнева	317
Покой	335
Правила добра	345
Ипатов	381
Цветок под ногою	391
Рассказ змеи о том, как у неё появились ядовитые зубы	411
Сказочки не совсем для детей	417
Орешек	417
Негодяй	418
Фальшивый рубль и добрый дядя	420
Земля	422
Храбрый волк	427
Он (Рассказ неизвестного)	437
Возврат	491
Полёт	501
Три ночи	525
Воскресение всех мертвых	533

ИВАН ИВАНОВИЧ

I

На Иване Ивановиче было новое пальто — совершенно новое, великолепного сукна, серого, с нежным серебристым оттенком. Ему не советовали брать такой цвет — марок и вообще не практичен, но он был молодой человек и желал быть красивым. И он был красив, и на душе было радостно и гордо; и если нельзя было вообразить себя генералом или гвардейским офицером, то во всяком случае ясно чувствовалось, что он лучший из всех околоточных надзирателей, какие есть в Москве и, быть может, даже в других городах. Сзади, в двух шагах за Иваном Ивановичем, шли трое городских в черных шинелях, башлыках и с ружьями. Ружей они не умели держать, они им мешали и только нагоняли страх; и лица были у них мрачные, недовольные, а шаги они делали короткие, точно сберегали пространство и старались сохранить запас его позади себя. Они боялись дружинников. Но Иван Иванович не боялся и шел молодежато, с легким вывертом. В городе уже стреляли, но в ихнем участке было тихо, и только в двух-трех местах достраивали запоздалые баррикады. И на нем было новое пальто.

Из-за угла показалась чья-то голова и скрылась; и вдруг сразу высыпала черная кучка народу, и из середины ее кто-то выстрелил прямо в Ивана Ивановича, — как будто вся черная кучка сказала ему: ах! Городовые убежали, Иван Иванович тоже повернулся, чтобы бежать, но сзади крикнули:

— Стой! Застрелим!

Ноги от страху онемели, затряслись, и он остановился. От всего себя он чувствовал одну только спину, неподвижную, серую, широкую, как глухой забор, мимо которого не пролетит ни одна пуля. И повернуть ее он не мог, так спиной и встретил дружинников, которые сзади несколькими парами рук схватили его за плечи, за руки и даже за шиворот. Повернули.

— Как фамилия? — спросил один. В руке у него был револьвер-браунинг.

— Товарищи! — сказал Иван Иванович.

— Ну-ну! — грозно окрикнул кто-то.

— Граждане, — поправился Иван Иванович. Некоторые засмеялись, но тот суровый, что окрикнул, так же сурово и с отрицанием сказал:

— Дай ему по харе, чтобы не брехал. Дурак!

Иван Иванович закрыл глаза, но его не ударили, а снова спросили о фамилии.

— Авдеев, — солгал он.

Дружинники переглянулись: такого, с такой фамилией не знали, — ничем не был замечателен. Обыскали его, но ничего не нашли в новеньких, чистых карманах, — ни бумаг, ни писем; только в одном нашли грешбешочек и зеркальце и без сожаления бросили их в снег. Иван Иванович приободрился и сам помогал вывертывать карманы, а вначале не мог.

— А револьвер-то? — сказал кто-то. — Забыли?

— Давай револьвер. Живее!

Околоточный торопливо начал отстегивать кобуру, исподлобья дружелюбно оглядел дружинников и улыбнулся.

— Сделайте одолжение. Но только разве это оружие? Вот у вас револьверы настоящие, а у нас что, казенные, в двух шагах собаку не застрелишь. Честное слово! Извольте. Да пашку-то, пашку не забудьте, или как она называется — селедку.

Но пашка была свежееотпущена, остра, и на шутку Ивана Ивановича никто не отозвался. Один из дружинников, молодой, краснощекий, сияющий, схватил пашку и перепоясал ее через плечо.

— Вот так!

— Оставь, Василий! Зачем на глаза лезть!

— Ну вот! Пригодится.

Иван Иванович тоже покачал головой и скромно спросил:

— Можно идти теперь?

— Что?! — удивился тот, суровый. И удивление его было так тяжело, зловеще и страшно, что снова смертельный ужас охватил околоточного, и снег перед его глазами точно почернел, а вокруг черных фигур появились какие-то странные, светлые ореолы. И все закачалось.

— Неужели? — нелепо сказал он, и рот его чему-то смеялся, а побелевшие глаза вылезали из-под лба и дико таращились.

— Не стоит, — сказал первый, тот, что допрашивал Ивана Ивановича. Но суровый настаивал.

— А по-моему, стоит. Всех их стоит. А если вам уж так его жалко, так давайте я. Ну-ка ты, пойдем, поговорим!

— Не стоит! — поддержали другие. — Ну его! Оставьте его, Петров.

Петров сердито пожал плечами, посмотрел прямо в вытаращенные глаза околоточного и отошел в сторону.

— Делайте как хотите, — равнодушно сказал он.

— Господи! — сказал Иван Иванович, провожая его глазами, и перекрестился. Посмотрел на всех и еще раз перекрестился. — Ну и человек. Вот так человек!

Дружинники собрались в кружок и стали советовать, как поступить с околоточным. Это был первый их пленный, и они не знали, что с ним делать. И молодой, сияющий, с пашкой через плечо, засмеялся, хлопнул Ивана Ивановича по плечу и предложил:

— Пусть-ка идет строить баррикаду. Народу у нас мало, а он парень здоровый. Верно? — И он подмигнул Ивану Ивановичу.

— Как же это? — удивился тот. — В моем положении, и вдруг...

— Вы, быть может, предпочитаете поговорить с товарищем? — вежливо осведомился первый дружинник, указывая на Петрова.

— Нет уж, Бог с ним! — отмахнулся рукою околоточный; дружинник засмеялся, и только Петров нахмурился еще больше и отвернулся. — Я ведь, собственно, ничего не имею. Помочь так помочь, с большим удовольствием. Вот только костюм у меня неподходящий...

— Мы вас не уговариваем...

— Да нет же, Господи, я с большим удовольствием. Пальто вот действительно жалко, вы сами понимаете, — а я что же!

Он говорил развязно и с большим достоинством, но страх не покидал его и маленькой мышкой бегал по телу, а минутами воздух точно застревал в груди и зем-

ля уходила из-под ног. Хотелось скорее к баррикаде, казалось, что, когда он возьмется за работу, никто уже не посмеет его тронуть. Дорогою — нужно было пройти с четверть версты — он старался быть дальше от Петрова и ближе к молодому, сияющему, и даже вступил с последним в беседу.

— Вот, говорят, полицейский, такой-сякой, крючок и прочее. А только как же без полиции, сами рассудите. Когда Господь Бог изгнал из рая Адама и Еву, кого Он у дверей поставил?.. Вот оно откуда еще началось!

— Товарищ, вы слышите? — смеясь, окликнул молодой Петрова.

Петров остановился и, не глядя на товарища, сказал околоточному:

— Ты свое остроумие оставь. Они тебя помиловали, а я тебя не миловал. Услышу твой голос, видишь, — он показал браунинг, — так в голову и всажу. Гадина!

Иван Иванович обиженно замолчал и всю дорогу шел молча, скучный и подавленный. Оглядываться он боялся, и на себя поглядеть как следует боялся, и было страшно и за себя и за пальто, которое он разорвет или испачкает. Так и шел, стараясь только не ускорять и не замедлять шага против остальных, а они шли неровно, то быстро, то тихо, как нарочно. Один раз молодой, сияющий потихоньку от Петрова подмигнул ему, но Иван Иванович угрюмо отвернулся: ему было очень нехорошо. А молодой нагнал Петрова и тихо сказал ему:

— Напрасно вы так, товарищ. Он, ей-Богу, ничего. Конечно, невежественный, темный, а когда-нибудь и он поймет... Все поймут.

Петров хмуро повернул костлявую голову с темными запавшими глазами — и встретил задумчивые, тихосиявшие глаза. Они сияли тихо, до самой глубины своей, и глядели широко, с радостью и удивлением. И было мучительно глядеть в их светлую глубину, и хотелось разбудить его и крикнуть.

— Все поймут, товарищ, поверьте, — повторил молодой, и Петров кротко согласился:

— Может быть, — и шутливо крикнул околоточному: — Ну что, крючок, очухался?

— Оставьте, пожалуйста, ваши насмешки, — обиженно ответил Иван Иванович и, испугавшись своей дерзости, добавил: — Сами же велели молчать, а теперь... Это, что ль, баррикада-то? Ну, и нагородили!..

II

В действительности народу было много, работа шла веселая и живая, и Иван Иванович долго не мог никуда приткнуться. Пробовал и тащить, и подпихивать, и вязать проволокой, но все у него выходило не так, и его прогоняли. Просто он не понимал назначения баррикады, — она казалась ему странной и нелепой игрушкой, сооружаемой какими-то баловниками для непонятого баловства, и что нужно сделать для того, чтобы она стала лучше, он не догадывался. И вид имел бестолковый, растерянный и даже печальный, так как очень беспокоился к тому же за пальто. Одну полу он уже успел испачкать, и по серебристому сукну проходила скверная, темная полоса. Подумал — и пошел жаловаться к Петрову.

— Не знаешь? — презрительно сказал тот. — Видишь вон столб телеграфный? Ступай и пили.